

Тамбиянц Юлиан Григорьевич

доктор философских наук, профессор,
доцент кафедры социологии и культурологии
Кубанского государственного аграрного
университета им. И.Т. Трубилина

Шалин Виктор Викторович

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии и культурологии
Кубанского государственного аграрного
университета им. И.Т. Трубилина

СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Аннотация:

В статье произведен анализ сущности государства, определена его специфика на современном этапе исторического развития. Актуальность исследования определяется изменением роли государства в эпоху глобализации, характерными признаками которой являются унификация социокультурных и политических практик и навязывание единой модели развития, а также ростом кризисных тенденций в развитии современных государственных образований. На основании проведенного анализа представлено авторское видение сущности государства. Показано, что государство имеет двойственную природу, в зависимости от обстоятельств проявляя свою классовую или надклассовую сущность. Выявлено, что с усилением глобализационных тенденций большинство современных государств демонстрируют классовый уклон, что сопровождается «размыванием» этоса государственного служения и социальной ответственности. Преимущественное проявление классовой природы государства сегодня связано с естественным ослаблением общества, которое обычно выступает фактором давления на государство с целью переориентации его на национальные (надклассовые) потребности.

Ключевые слова:

классовая природа государства, надклассовая природа государства, глобализация, гражданское общество, неолиберальный проект, этос государственного служения, социальная ответственность.

Tambiyants Yulian Grigorievich

D.Phil., Professor,
Social and Cultural Sciences Department,
Kuban State Agrarian University

Shalin Viktor Viktorovich

D.Phil., Professor,
Head of the Social
and Cultural Sciences Department,
Kuban State Agrarian University

THE NATURE OF THE STATE IN THE ERA OF GLOBALIZATION: THEORY AND PRACTICE

Summary:

The study analyzes the nature of the state and defines its specific features at the present stage of historical development. The relevance of the study is determined by the changing role of the state in the era of globalization characterized by the harmonization of sociocultural and political practices, the imposition of a single development model, and the growing crisis trends in the development of contemporary public entities. The research presents the authors' view on the nature of the state. The state has a dual nature and shows its class and subclass character depending on the circumstances. The study reveals that an increase in the globalization trends makes the majority of modern states to be of a class nature followed by the erosion of the public service ethos and social responsibility. Nowadays, the predominance of the class nature of the state is associated with the natural weakening of the society that usually puts pressure on the state to refocus on national (subclass) needs.

Keywords:

class nature of the state, subclass nature of the state, globalization, civil society, neo-liberal project, public service ethos, social responsibility.

Современная действительность характеризуется в терминах турбулентности (Дж. Розену), текучего общества (З. Бауман), ускользающей реальности (Э. Гидденс). Стремительность социальной динамики отражается на ведущих общественных субъектах и акторах, побуждая обществоведов пересматривать и в чем-то уточнять их сущность. Это справедливо в отношении государства, которому в контексте глобализационных изменений приписывается кризисное состояние. В общем виде это характеризуется тем, что государственные институты проигрывают конкуренцию крупным компаниям (ТНК) не только как экономические, но и как управленческие субъекты. Данный феномен заслуживает самого пристального внимания, так как предполагает наряду с политэкономической социокультурную составляющую. Однако многое может прояснить уточнение сущности государства, прежде всего в области его политических функций. В статье мы намерены затронуть дискурс относительно природы государства, где ведущие позиции распределяются между представителями марксизма и его оппонентами, из которых выделяются теоретики консервативной ориентации. Затем, предложив на основании этого собственное видение сущности государства, рассмотрим связанную с ним современную проблематику.

Итак, марксизм связывает происхождение государства как такового исключительно с классовыми отношениями. Государство в общем виде здесь интерпретируется как результат социальных антагонизмов, произошедших на почве экономических отношений. Как считает Ф. Энгельс, государство не есть нечто навязанное извне, это «продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество... раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоположными экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала бы его в границах “порядка”. И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство» [1, с. 362].

Теоретически государство возникает для того, чтобы не допустить внутренней борьбы, разрушительной для общества, сохранить его внутреннее единство, тогда как практически общим правилом является подчиненность государства экономически господствующему классу. В итоге последний благодаря государству получает дополнительные возможности для подавления нижестоящих групп, делая свое лидирующее положение еще более бесспорным. Так, античное государство помогало рабовладельцам против рабов, феодальные монархии занимали сторону землевладельцев, закрепощая зависимых от них крестьян, а республики капиталистической эпохи действовали в пользу капитала, но отнюдь не наемного труда. Тем самым перекокс в сторону интересов господствующих групп становится явным и неизбежным.

Классики марксизма решительно отрицают сущность государства как выразителя всеобщих интересов. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» писал следующее: «Когда государство наконец-то становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним. С того времени, как не будет ни одного общественного класса, который надо бы было держать в подавлении, с того времени, когда исчезнут вместе с классовым господством, вместе с борьбой за отдельное существование, порождаемой теперешней анархией в производстве, те столкновения и эксцессы (крайности), которые проистекают из этой борьбы, – с этого времени нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления, в государстве» [2].

Противоположным образом трактуется сущность государства у сторонников консерватизма. Итальянский философ-традиционалист Ю. Эвола рассматривает политический порядок в терминах органичного государства, и подобная идея в содержательном плане находит последователей (О. Шпенглер, И. Ильин, И. Исаев). Если марксисты настаивают на первичности материи над духом (бытие определяет сознание), то консерваторы уверены в обратном. Экономика и политическая власть суть производные от духовного обеспечения, за счет которого достигается единство системы. Политические формы не играют столь принципиальной роли, если традиционный дух пронизывает систему общественных отношений. «Все государства, обретшие форму в мире великих традиционных цивилизаций – в виде империй, монархий, аристократических республик или городов-государств – в лучший период своего существования в большей или меньшей степени носили органичный характер» [3, с. 68–69].

Основой и жизненной силой органичного государства выступает центральная идея как символ верховной власти, составляющая его авторитета. Естественное притяжение, исходящее из центра, порождает такое же естественное сотрудничество как между людьми, так и между отдельными социальными группами, стимулируя их к действиям в едином общем направлении. В подобном обществе культура и духовность вырабатывают ценности и установки, которые, имея групповую вариативность, все же подчинены единым общественным задачам. По мнению О. Шпенглера, этому служит понятие чести: «Все, что называется “долг”, предпосылка всякого настоящего права, базовая субстанция всякого благородного обычая, происходит из чести. Свою честь имеет крестьянство, равно как и каждое ремесло, купец и офицер, чиновник и древние княжеские роды» [4, с. 88].

Государство подчинено аристократии, добродетель которой заключается именно в служении государству. Это важнейшие задачи, от которых зависит существование общества и нации в целом. Речь идет прежде всего об управленческих и военных задачах. Силовая составляющая для высшей власти не менее важна, чем сакральная, и во многом они взаимообуславливают друг друга. Согласно О. Шпенглеру, чтобы государство пребывало «в форме», оно должно быть подготовлено для ведения настоящих и возможных войн, в ходе которых укрепляется народное единство, образованное этим государством [5, с. 44].

Таким образом, в понимании консервативных исследователей, государство в силу собственной природы представляет интересы всех социальных слоев и групп населения. Оно не может полностью абстрагироваться от реальных интересов и потребностей граждан, поскольку следствием этого окажется разрушение сложившегося баланса социальных сил, их соотношения, что грозит гибелью национальному организму [6, с. 13].

Представляется, в этих двух подходах имеется изрядная доля истины. Центробежные и центроостремительные процессы наличествуют в рамках каждой общественной системы, подобно тому, как в любом государстве сочетаются классовые и надклассовые потенции. Подход марксистов к проблеме генезиса государства излишне категоричен. Современный российский исследователь Л. Гринин, пытающийся охватить все стороны государственной жизни в ракурсе социально-философского и историософского подходов, считает, что помимо нарисованной К. Марксом картины возникновения государства как аппарата насилия лидирующих социальных групп над угнетенными были и другие варианты его зарождения. Причем внутренние задачи для ранних государств имели вторичный смысл, куда более важными для них выступали внешние военные функции [7, с. 174], нередко связанные с обороной или экспансией, что могло происходить вследствие экономического кризиса, например неурожая.

Как сознание любой отдельно взятой личности не избегает внутренних споров и противоречий, что, однако, не отменяет артикулированных личностных стремлений и поставленных целей, так и противоречия в общественной системе – факт вполне типичный. Тем не менее это вовсе не делает невозможным общественное единство, причем на вполне естественных основаниях. Даже Ф. Энгельс вынужден признать наличие исторических случаев, когда «борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам как кажущаяся посредница между ними». Таковыми были абсолютизм XVII и XVIII вв., бонапартизм Первой и Второй империи во Франции [8, с. 364]. Имеются авторы (Л.Б. Алаев), отдающие должное марксистской парадигме, но тем не менее склонные видеть в государстве именно надклассовую сущность [9, с. 101].

Несомненно, в общественной системе имеются как факторы раскола, так и источники объединения. Во многом правы последователи консервативного взгляда (Г. Радбрух, М. Ориу), утверждающие, что принципы единства, целостности оказываются органично существующими, заложенными в самой сути общества, что, по их мнению, неуклонно ведет к образованию государства [10, с. 56]. Непримиримы вроде бы социальные классы могут объединяться на почве фундаментальных общественных потребностей, которые определяются как: территориальная целостность, политический суверенитет или независимость, сохранение господствующего строя, т. е. политико-экономического режима, экономическое развитие и процветание, а также национально-культурная самобытность страны [11, с. 381–382]. А. Задохин предпочитает употреблять здесь категорию «национальные интересы», придавая ей широкое методологическое основание через совокупность интересов личности, интересов различных социальных групп населения и интересов общества (общенациональных интересов) в целом [12, с. 24]. Закономерно, что общественное единство выходит на первый план в условиях чрезвычайных ситуаций, как, например, угроза потери независимости. Однако имеются и иные случаи совпадения классовых интересов на почве национальных. Например, колониальная политика Великобритании объективно способствовала интересам не только национального капитала, но и рабочих тоже.

Каждое государство, обладая обозначенной нами двойственной природой, в конкретной ситуации проявляет уклон в ту или иную сторону. Это происходит под воздействием ряда внешних и внутренних факторов, рассмотрение которых потребует более масштабной работы. Одно из важнейших условий, на которые целесообразно здесь обратить внимание, заключается в характере взаимодействий государства и общества. Давление последнего зачастую побуждает властную верхушку менять политику в русло общественных интересов, как, например, отмена крепостного права или война за освобождение славянских народов от турецкого ига 1877–1878 гг. Нередко двойственная сущность государства проявляется в его конкретных действиях. Например, отмена крепостного права объективно работала на пользу общества, открывая простор для развития капиталистических отношений, однако при этом российское государство попыталось максимально «не обидеть» господствующий класс помещиков, компенсируя им потерю земли в денежном эквиваленте прежде всего за счет освобождаемых крестьян. Имеются примеры, когда государство вынуждено потакать обществу, ведомому низшими классами, в более явном виде. Так, в ходе Соляного бунта 1648 г. оказались репрессированы наиболее одиозные представители правящей элиты – Л. Плещеев, Б. Морозов.

Современная эпоха характеризуется стремительным ускорением социальной динамики, что выражается в глобализации, нарастании постиндустриальных тенденций, компьютеризации и т. д. В ней очевидно просматриваются факторы, объективно и субъективно работающие на проявление классовой природы государства. Главным источником здесь выступает неолиберальный проект, который лежит в основе глобальной политики и классовая природа которого доказана многочисленными исследованиями (Д. Харви, Дж. Гэлбрейт, А. Арсенок, Д. Мадж и др.). Глобальная институционализация неолиберализма выражается в практиках МВФ, Всемирного банка или принципах Вашингтонского консенсуса (1989), включающего десять рекомендаций реформирования национальных экономик в жестко неолиберальном ключе, которые

имеют добровольно-принудительный характер [13, с. 86–87]. При этом видится явное противоречие идеологии и практики неолиберализма. Жесткая критика якобы неэффективных государственных структур в теории сочетается со стремлениями переориентировать последние на политику в интересах крупных хозяйствующих субъектов. Объективно это ведет к росту влияния крупных корпораций и фактическому забвению идеалов свободного рынка, которые, как можно предположить, можно было бы реализовать лишь при условии надклассового государства, стоящего как бы над рыночными отношениями.

Нынешняя практика показывает: сила и влияние крупных компаний выросли настолько, что их не стесняются называть главным источником власти наряду с государством (К. Крауч, Д. Роткопф, Д. Харви). Показательно, что происходит отступление государства, его отказ от своих функций в ряде областей общественной жизни, регуляция которых традиционно считалась прерогативой именно правительственных структур. Речь идет о приватизации социальной подсистемы, передаче рычагов управления в руки корпораций, что неизбежно ведет к коммерциализации здравоохранения, образования и т. д. Распространенная сейчас практика передачи подрядов на общественные услуги коммерческим структурам происходит не без участия неформальных и личных связей, а также коррупционной составляющей [14, с. 63]. Некоторые эксперты в нынешних печально известных ювенальных практиках также склонны видеть руку крупных корпораций [15].

Более того, констатируется слияние государственных и корпоративных структур, что проявляется в объективной ротации кадров (принцип «вращающейся двери» [16]), а в сфере духа – в выхолащивании этоса государственной службы. Британский исследователь К. Крауч, ссылаясь на утверждение Адама Смита о том, что бизнес может извратить политику не в меньшей степени, чем политика – бизнес, обращает внимание, что в настоящее время оказывается актуализирована первая проблема. Культурно-этическое обоснование бизнеса и политики всегда различалось. Так, от служащих государства требовался первичный ориентир на общественные интересы, несводимые к сумме частных деловых стремлений. «Подобный подход не подразумевал враждебного отношения к капиталистическому поведению, а лишь признание того, что оно имеет свои границы, и наличие определенного кодекса этики и поведения государственных чиновников». Однако в свете неолиберальной революции сформировалось новое видение: лишь частные компании являются носителями подлинной компетенции, а потому бизнес может как угодно вмешиваться в государственные дела, но никак не наоборот [17, с. 124].

К. Крауч в своих работах неоднократно проводит мысль, что корпорация всегда была нацелена на получение прибыли, что естественным образом дистанцировало ее от моральных ценностей. В ходе нынешнего тесного сотрудничества и даже слияния государства и крупной фирмы происходит не проникновение этики служения в корпорации, но наоборот – этика служения выхолащивается под влиянием аморальности экономических целей, приобретая нелепый и смехотворный смысл [18, с. 96].

Созвучно К. Краучу российский исследователь А. Поладько ставит проблему актуализации на современном этапе идеологии государственного служения. Он видит здесь мировоззренческий и этический комплекс служения, связанный с чувством долга и восприятием государства как общественной ценности. В рамках такой идеологии делается ставка не только на значимость служения государству как таковому, но культивируются идеи патриотизма, гражданского долга. На каждом этапе культурно-исторического развития эти идеи приобретают специфическое звучание и значение [19, с. 141–142].

С нашей точки зрения, проблема ослабления значения этики государственной службы может быть поставлена в более широком историческом ракурсе. Как отмечают исследователи политогенеза (Л. Гринин, Р. Карнейро, Х. Классен), среди источников, послуживших толчком к возникновению государственных структур, важное, если не важнейшее, значение всегда имели военные факторы [20]. При этом военная символика и атрибутика присутствовали практически в любом образе государства и персон – носителей верховной власти. Король, император воспринимались общественным сознанием прежде всего как военные люди, и даже в современном мире верховным главнокомандующим обычно является первое лицо государства. Подобный факт выступал значительным источником формирования этоса государственного служения. Если на протяжении большей части политической истории воинский дух имел равновесное существование с торговым духом, то сейчас положение принципиально иное. Торговый дух полностью господствует в мире глобального капитализма, фактически вытеснив воинский дух на периферию. Это обстоятельство отражается в политической сфере, проявляясь в «измельчании» политических лидеров, потере ими авторитета в общественном мнении.

Вышеописанное переплетение государственных и корпоративно-коммерческих структур не является единственным источником проявления классовой природы современных государств. Другим фактором стало ослабление общества, которое происходит под влиянием следующих

обстоятельств. Во-первых, условия глобального постиндустриализма работают на усиление общественной дифференциации, последствиями которой выступают деструктуризация рабочих групп, снижение роли профсоюзов, наконец, усиливающиеся противоречия с наплывающей массой мигрантов. Только К. Крауч выделяет пять видов групп современного гражданского общества, нередко конкурирующих между собой. Это политические партии, религиозные организации, группы гражданских активистов, группы добровольческого и благотворительного секторов, профессиональные группы [21, с. 229–235]. Во-вторых, современные правящие группы располагают беспрецедентно широкими возможностями манипуляции общественным мнением, главным образом через медиасредства. В-третьих, условия постмодерна в целом апеллируют к личностному раскрепощению и реализации желаний в самых многочисленных формах, успешно реализуя идеологию массового потребления. Все это существенно затрудняет формирование гражданского единства, без которого сокращается давление на государство с целью заставить его подкорректировать политику в направлении общественных национальных интересов.

Подводя итоги, целесообразно предложить следующие заключения.

1. Государство представляет собой сложный институт, органично вписанный в национальную общественную систему. В нем естественным образом отражаются все основные общественные потенции и тенденции, которые весьма противоречивы и неоднозначны. Речь идет о сочетании внутренних стремлений к единству и расколу, что в духовном срезе проявляет себя наличием национальной и классовой мифологии. Отсюда природа государства имеет двойственный характер, включая в себя классовую и надклассовую составляющие, что глубоко проанализировано в работах сторонников марксистской и консервативной парадигм. В определенных ситуациях каждое государство проявляет больше свою классовую либо надклассовую сущность, что происходит под воздействием ряда внешних и внутренних факторов.

2. Современная ситуация характеризуется все более продолжительным проявлением классовой природы государства, что происходит под влиянием факторов глобализации и постиндустриальных информационных тенденций. Роль глобализации заключается в распространении классово ориентированных неолиберальных принципов, имеющих самодовлеющий смысл для подавляющего большинства стран и, кроме того, привлекательных для социально лидирующих групп. Вместе с тем в современных условиях происходит естественное ослабление общества, зачастую выступающего фактором давления на государство с целью переориентации его на национальные (надклассовые) потребности. С одной стороны, постиндустриализм стимулирует дифференциацию общества, раскол на множество групп с различными целями, с другой – правительственные структуры обладают беспрецедентными возможностями манипулирования общественным мнением главным образом через средства массмедиа.

3. Следствием проявления классовой природы государства на современном этапе является упадок этики государственного служения, существовавшей в различных социокультурных формах практической, призванной на всех исторических этапах. Это объективно ведет к отказу государства от ряда функций, призванных сгладить социальные несовершенства рынка, перекладыванию исключительно на плечи самих людей решения проблем, связанных с их социальной частной жизнью, т. е. образованием, трудоустройством, заботой о здоровье и т. п. В социологическом дискурсе это находит отражение в анализируемых феноменах индивидуализации, общества риска. В общественном мнении размывание социальной ответственности государства влечет за собой снижение авторитета государственных структур, что отражается в результатах социологических исследований [22].

Ссылки:

1. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Генри Моргана // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения : в 3 т. Т. 3. М., 1985. 639 с.
2. Цит. по: Ленин В.И. Государство и революция [Электронный ресурс]. М., 1918. URL: <https://www.marxists.org/russkij/lenin/works/lenin007.htm> (дата обращения: 04.12.2018).
3. Эвола Ю. Люди и руины. М., 2002. 288 с.
4. Шпенглер О. Годы решений. М., 2006. 240 с.
5. Там же. С. 44.
6. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории // Государство и право. 1999. № 3. С. 11–20.
7. Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс : монография : в 3 т. Т. 2. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому. М., 2007. 368 с.
8. Энгельс Ф. Указ. соч. С. 364.
9. Гринин Л.Е. Указ. соч. С. 101.
10. Исаев И.А. Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние. М., 2009. 176 с.
11. Арин О.А. Мир без России. М., 2002. 480 с.
12. Задохин А.Г. Категория «национальные интересы» в российском политическом сознании // Обозреватель. 2013. № 1. С. 8–29.

13. Арсеев А. Что такое неолиберализм в контексте современной «экономики» и экономики // Социология: теория, методы, маркетинг. 2011. № 2. С. 78–106.
14. Крауч К. Постдемократия. М., 2010. 192 с.
15. Бекман Й. Ювенальная юстиция – антисемейная идеология [Электронный ресурс] // Православный родительский комитет. 2013. 17 апр. URL: <http://pravrodkom.ru/2013/04/17/1-йохан-бекман-ювенальная-юстиция-ант/> (дата доступа: 04.12.2018).
16. Роткопф Д. Суперкласс. Те, кто правит миром. М., 2010. 475 с.
17. Крауч К. Постдемократия. С. 124.
18. Там же. С. 96.
19. Поладько А.В. Идеология государственного служения: социокультурное позиционирование дискурса. Ростов н/Д., 2011. 148 с.
20. Гринин Л.Е. Указ. соч.
21. Крауч К. Странная не-смерть неолиберализма. М., 2012. 276 с.
22. Доган М. Падение традиционных ценностей в Западной Европе: религия, государство-нация, власть // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 12. С. 23–30.

References:

- Arin, OA 2002, *A World Without Russia*, Moscow, 480 p., (in Russian).
- Arsenkov, A 2011, 'What Is Neoliberalism in the Context of Modern Economics and Economy', *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*, no. 2, pp. 78-106, (in Russian).
- Bäckman, J 2013, 'Juvenile Justice as Anti-Family Ideology', *Pravoslavnyy roditel'skiy komitet*, April 17, viewed 04 December 2018, <<http://pravrodkom.ru/2013/04/17/1-йохан-бекман-ювенальная-юстиция-ант/>>, (in Russian).
- Crouch, C 2010, *Post-Democracy*, Moscow, pp. 96, 124, (in Russian).
- Crouch, C 2012, *The Strange Non-Death of Neo-Liberalism*, Moscow, 276 p., (in Russian).
- Dogan, M 1999, 'The Decline of Traditional Values in Western Europe: Religion, Nationalism. Authority', *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, no. 12, pp. 23-30, (in Russian).
- Engels, F 1985, 'The Origin of the Family, Private Property, and the State: in the Light of the Research of Lewis H. Morgan', in K Marx & F Engels (eds.), *Selected Works*, in 3 vols., vol. 3, p. 364, (in Russian).
- Evola, J 2002, *Men Among the Ruins: Post-War Reflections of a Radical Traditionalist*, Moscow, 288 p., (in Russian).
- Grinin, LE 2007, *The State and the Historical Process*, monograph, in 3 vols., vol. 2, Moscow, p. 101, (in Russian).
- Isaev, IA 2009, *Solidarity as an Imaginary Political and Legal State*, Moscow, 176 p., (in Russian).
- Khabibulin, AG & Rakhimov, RA 1999, 'State Ideology: the Propriety of the Category', *Gosudarstvo i pravo*, no. 3, pp. 11-20, (in Russian).
- Lenin, VI 1918, *State and Revolution*, Moscow, viewed 04 December 2018, <<https://www.marxists.org/russkij/lenin/works/lenin007.htm>>, (in Russian).
- Poladko, AV 2011, *The Ideology of Public Service: the Social and Cultural Positioning of Discourse*, Rostov-on-Don, 148 p., (in Russian).
- Rothkopf, D 2010, *Superclass: The Global Power Elite and the World They Are Making*, Moscow, 475 p., (in Russian).
- Spengler, O 2006, *The Hour of Decision*, Moscow, p. 44, (in Russian).
- Zadokhin, AG 2013, 'The Category of National Interests in the Russian Political Consciousness', *Obozrevatel'*, no. 1, pp. 8-29, (in Russian).